

Б. Д. Цыбенов

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия*

bazar75@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЯ ВЛАДИМИРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПРИАМУРЬЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОГЕНЕЗА ДАУРОВ*

Проблема происхождения дауров продолжает оставаться малоизученной. Имеются гипотезы о происхождении дауров от киданей и от ранних монголов. Отечественными археологами сделан вывод о принадлежности погребений владимировской культуры к ранним монголам. В настоящей работе проводится критический анализ гипотезы о происхождении дауров от ранних монголов. Исследованы ориентация погребений и сопроводительный инвентарь владимировской культуры. По итогам работы выяснено, что северная ориентация погребений, согласно имеющимся материалам, не может являться надежным критерием соотнесения носителей владимировской культуры с ранними монголами. Единичный факт присутствия в могиле берцовой кости барана не может выступать как признак отождествления материалов владимировской культуры с культурой ранних монголов. В целом, включение ноги барана в состав погребального инвентаря считается характерной чертой многих кочевых племен Евразии эпохи Средневековья. Серьги в виде знака вопроса также нельзя отнести к разряду устойчивых признаков, ввиду их широкого распространения. Они могли попасть к даурам в результате торговых и культурных контактов. Изучение вопросов, связанных с правосторонним запахом одежды, отсутствием керамики, преобладанием костяных наконечников стрел над железными показывает, что эти данные не могут быть вескими аргументами принадлежности к ранним монголам. Носители владимировской культуры могли быть потомками племени переходного типа, сформировавшегося на стыке монгольского и тунгусо-маньчжурского миров.

Ключевые слова: раннее монгольское время, владимировская культура, погребения, ориентация, этногенез, племя переходного типа, дауры.

Одной из важных проблем этногенеза монголоязычных народов продолжает оставаться вопрос о происхождении дауров. Ее решение даст возможность проведения реконструкции этногенеза и этнической истории ряда народов Восточной и Центральной Азии. Современные исследования, проводимые китайскими специалистами в области изучения этнографии и генетики, показывают, что дауры произошли от киданей. Однако материалы отечественных археологов указывают на взаимосвязь средневековых дауров с культурой ранних монголов. В целом, выделенная в верхнем и среднем тече-

нии Амура владимировская культура (XIII–XVII вв.) считается синтезом двух культурных начал: монгольского и тунгусского. Поскольку наблюдаются серьезные противоречия в определении этнических предшественников дауров, мы решили обратиться к изучению материалов могильников владимировской культуры и на основе детального анализа ориентации погребений и сопроводительного инвентаря проследить вероятные линии происхождения народа. Как известно, погребальный обряд является одним из устойчивых аспектов духовной культуры, в течение долгого времени сохраняющих

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-21-03004).

фрагменты исторической памяти о происхождении и этнокультурной истории народа.

Культура была выделена в Верхнем Приамурье Д. П. Болотиным. Ее носители хоронили умерших в земле, ориентируя их в прямо противоположных направлениях – на север и на юг. Эту традицию можно проследить даже в рамках одного памятника [Болотин, 1993. С. 85]. Ориентация покойных головой на север и состав сопроводительного инвентаря, по мнению археологов, свидетельствуют о принадлежности к культуре ранних монголов. В этой связи обратимся сначала к погребениям с трупоположением головой на север в археологических культурах сопредельных с Верхним Приамурьем территорий.

Считается, что в погребальном обряде раннемонгольских племен Забайкалья и Прибайкалья конца I – начала II тыс. н. э. ориентация погребенных была северной или северо-восточной. Подобная ориентация могил характерна для погребений сяньби и киданей [Асеев, 2009. С. 195; Малая энциклопедия..., 2011; Ивлиев, 1990. С. 44–45; Цэвээндорж и др., 2008. С. 205]. Части средневековых тюрков и тунгусов Забайкалья и Тувы были также присущи погребения с ориентацией на север и северо-восток [Малая энциклопедия..., 2011; Именохоев, 1992. С.44–45; Цэвээндорж и др., 2008. С. 192]. Возможно, отдельные тунгусоязычные и тюркоязычные этнические группы имели тесные этнокультурные контакты с монгольским большинством. Поэтому для этнической атрибуции средневекового населения Верхнего Приамурья такой (и единственный) признак, как северная ориентация погребенных, не может являться надежным свидетельством соотнесения владимировской культуры с культурой ранних монголов. К тому же ориентация погребенных во владимировской культуре, порой даже на одном могильнике, была прямо противоположной – южной или северной, чего не встречается в культуре ранних монголов.

Южная или юго-западная ориентация умерших, по предположению Д. П. Болотина, была присуща ряду тунгусских этнических групп, и встречалась чаще, чем захоронения с трупоположением головой на север. Умершие были похоронены в погребальных конструкциях в виде лодок [Болотин, 1995. С. 12–13]. Атрибуция носителей указанной

погребальной традиции с ныне существующими народами остается малоизученной. Возникает вопрос: «могут ли быть эвенки-орочоны потомками носителей этой традиции?» Учитывая наличие погребальных конструкций в виде лодок, обращенных носом к северу, можно допустить, что они оставлены предками эвенков-орочонов, поскольку имеются сведения об использовании последними лодки-колоды в современном погребальном обряде. Отмечается, что «голова покойника обязательно должна быть направлена на заход солнца» [Мазин, 1984. С. 64], т. е. на запад. Эти данные не согласуются с указанной традицией владимировской культуры, где погребения ориентированы головой на юг, юго-запад.

Колоды и гробовища в виде лодок имеются в ундугунской культуре (XII–XV вв.). Культура была выделена в верхнем течении р. Хилок, по рекам Ингода, Шилка, Чита, в районе Беклемишевских озер. Ее носителей считают тунгусоязычными [Кириллов, 1983. С. 124]. Характеристики ундугунской и владимировской культур в ряде случаев совпадают: наличие костяных наконечников стрел, малое количество керамических изделий, наличие предметов конской сбруи. Имеются серьезные различия в трупоположении: если во владимировской культуре в «лодках», ориентированных носовой частью на север, умершие лежат головой на юг и юго-запад, то в ундугунской культуре и «лодки», и костяки ориентированы на север, северо-восток. Другим немаловажным признаком, отличающим две культуры, является наличие костей жертвенного животного в большинстве погребений ундугунской АК. По всей видимости, в древности носители этих культур представляли собой единую общность и погребали умерших в «лодках», а позже в результате миграций и этнокультурных контактов с другими племенами погребальная обрядность обособившихся групп приобрела свои уникальные черты.

Обратимся далее к погребальному инвентарю, который, по данным археологов, имеет монгольские признаки. К ним относятся следующие артефакты: 1) небольшое количество керамической посуды; 2) преобладание костяных наконечников стрел над железными; 3) серьги в виде вопросительного знака с бусиной на нижнем отростке; 4) правосторонний запяток в одежде погребенных (в двух случаях); 5) берцовая кость

животного – «сулдэ», обнаруженная возле черепа (в одном захоронении). Особенно важным представляется последний признак, поскольку обрядовый ритуал установления в изголовье погребенного берцовой части задней ноги барана (овцы) в вертикальном положении является «генеральным признаком» раннемонгольской АК [Именохоев, 1992. С. 35]. Раннемонгольская культура (VII–XIV вв.) была выделена в Забайкалье и Северной Монголии Н. В. Именохоевым. Правомерность ее определения как раннемонгольской продолжает оставаться дискуссионной ввиду существования другой гипотезы Г. П. Сосновского, Е. А. Хамзиной и Л. Р. Кызласова об отнесении ряда могильников этой культуры к тюркоязычному населению. Таким образом, вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего исследуемые памятники, остается пока открытым [История Бурятии, 2011. С. 238]. Современные российские археологи также отмечают, что «без проведения специальных исследований трудно судить, насколько широко был распространен на территории Евразии в XIII–XIV вв. ритуал помещения в могилу голени барана: характерен ли он лишь для монгольских захоронений или был составной частью погребального ритуала других скотоводческих общностей» [Харинский и др., 2014. С. 73–74]. По данным Б. Б. Дашибалова, положение в могилу ноги барана – черта, характерная для многих кочевых культур средневековой эпохи в евразийских степях. Этот обряд отмечен у восточноевропейских кочевников, в кыпчакских захоронениях в Средней Азии, тюркских могильниках в Кыргызстане. Его практиковали также сарматы Поднепровья и Крыма, юечжи Средней Азии, кочевое население Бактрии [Дашибалов, 2002. С. 267].

Несмотря на имеющиеся версии о тюркоязычности населения, оставившего могилы с установленной берцовой костью барана, следует признать, что на протяжении последних лет и в настоящее время точка зрения о монголоязычности носителей данной культуры является основной. Возможно, именно это обстоятельство вкупе с найденной в одном захоронении берцовой костью животного явилось поворотным моментом в соотношении дальневосточными археологами владимировской культуры с раннемонгольской. Можно ли говорить о со-

ответствии археологических культур, если «генеральный признак» раннемонгольской АК – берцовая кость овцы – обнаружен лишь в одном погребении владимировской культуры? Единичный факт установления в могилу берцовой кости животного, на наш взгляд, не может выступать как признак отождествления материалов владимировской АК с культурой ранних монголов. Однако его можно связать с проникновением на Верхний Амур этнической группы, отличной от носителей владимировской культуры. Появление ее в регионе носило кратковременный характер, и группой было оставлено лишь одно ясное свидетельство о своем пребывании. Поскольку правомерность отнесения раннемонгольской культуры к собственно монгольским группам остается дискуссионной, нельзя дать однозначный ответ и на вопрос об этнической принадлежности населения, на определенное время посетившего Верхний Амур. Наряду с ранними монголами ими вполне могли быть как тюркоязычные, так и тунгусоязычные племена (носители ундугунской АК). Что касается проникновения именно монголов, на этот счет имеются исторические свидетельства. Так, например, в июне 1634 г. по приказу маньчжурского хана южные монголы-хорчины во главе с чиновником Бадари, преследуя Ганжуурсайдара, вторглись на территорию проживания дауров в Приамурье. В ходе произошедшего там сражения Ганжуурсайдар потерпел поражение. Победители на обратном пути занялись грабежами, захватили много скота и имущества. Большое количество даурского населения, по некоторым данным, более 10 тыс. чел., было уведено ими в бассейн р. Нонни [Dagur ündüsüten-ü..., 1989. С. 45]. Из сказанного можно сделать следующий вывод: Амур в верхнем течении, вероятно, не был непреодолимой преградой для войск южных монголов, поскольку две очевидно большие группы хорчинов переправились на другой берег реки и устроили сражение. В разные исторические периоды, сопровождающиеся кризисами и войнами, на Верхний Амур могли перекочевывать отдельные группы, как монголов, так и их предков – монголоязычных племен. Могло переселиться на Верхний Амур в XIII–XIV вв. и племя переходного типа, погребальный обряд которого к тому времени отличался от общемонгольской обрядности. Ритуал по-

мещения в могилу костей животных был переосмыслен, и к моменту прихода в Приамурье их уже не устанавливали в погребениях. По всей вероятности, к тому времени обычай положения берцовой кости ноги барана в могилу был заменен ее ритуальным сожжением. Так, в описании похоронной обрядности дауров начала XX в. говорится, что после погребения дауры сжигают лучшую часть пищи – берцовую кость овцы [Народы..., 1965. С. 670]. Конечно, нельзя исключать и духовной составляющей данного ритуала, поскольку, согласно воззрениям древних монголов, в берцовой кости барана содержалась жизненная сила – сулдэ, и кость играла какую-то определенную роль в посмертном существовании человека [Данилов, 1985. С. 89]. Ритуал сожжения костей жертвенных животных был присущ и средневековым монголам, о чем свидетельствовал П. Карпини, который сам видел, как женщины собирались для сожжения костей «за упокой душ людей» [Бартольд, 1966. С. 388]. Таким образом, к моменту прихода на Верхний Амур это племя уже отличалось от ранних монголов в проведении погребального обряда, хотя в некоторых деталях имелись и схожие моменты. Обычай дауров ставить перед могилой головы быков и баранов, а сзади нее – голы лошадей и быков [Народы..., 1965. С. 670], вероятно, также восходит к традиции древних скотоводческих народов. Как известно, черепа лошадей, коров, баранов встречаются в погребениях дворцовой культуры (XII–XIII вв. до н. э.), культуры плиточных могил, в захоронениях хунну, бурхотуйской культуры [Данилов, 1985. С. 90].

Одним из свидетельств принадлежности владимировской культуры к ранним монголам считается обнаружение в захоронениях серьги на проволочной основе из серебра или бронзы в виде вопросительного знака с одной или двумя бусинами на нижнем отростке. Таких предметов обнаружено 23 экз. К этому типу близки серьги с прикрепленной к нижнему отростку свинцовой полый каплевидной подвеской [Болотин, 1993. С. 94]. Обращение к материалам раннемонгольской культуры показывает, что серьги, имеющиеся в данной культуре, делятся на два типа: 1) отлитые из серебра или бронзы; 2) изготовленные из серебряной проволоки, полученной методом волочения. Серьги второго типа изготавливались в виде спира-

ли или знака вопроса, украшались небольшими жемчужинами, серебряными полыми шарами, стеклянными бусинками, костяными цилиндриками. Такие серьги известны степным народам с конца I – начала II тыс. н. э. [Именохоев, 1992. С. 33]. Они имели широкое распространение в Евразии, встречались у тюркоязычных племен, в Волжской Булгарии, Золотой Орде, древнерусских памятниках XIV–XV вв., в частности в курганах Ижорского плато. В XVI–XVII вв. чulyмские тюрки носили серьги в форме вопросительного знака [Гайко, 2009. С. 34]. В XIX – начале XX в. во многом схожий вид серег сохранялся у ногайцев Северо-Восточного Кавказа [Кузеева, 2014]. Это подтверждает факт широкого распространения серег в виде знака вопроса. Их появление в Верхнем Приамурье, несомненно, может быть связано, во-первых, с приходом в регион пришлого населения, носившего подобные серьги, во-вторых, с развитием торговых и культурных контактов, в результате которых эти предметы могли попасть к автохтонному населению в бассейн Верхнего Амура. Этот вид серег, найденных в количестве 23, все же нельзя отнести к разряду устойчивых признаков ранних монголов ввиду того, что «генеральный» признак раннемонгольской культуры – обряд вложения в могилу берцовой кости барана – обнаружен лишь в одном захоронении. Столь широкое распространение этих серег на огромном пространстве от Верхнего Амура до Ижорского плато и Северного Кавказа можно объяснить не только завоевательными походами монголов, а в первую очередь популярностью этих украшений у средневекового населения и налаженными торговыми и культурными связями в конце I – начале II тыс. н. э. Поэтому такой признак, как серьги в виде вопросительного знака, имевшие широкое хождение в Евразии, не может служить надежным критерием для определения этнической принадлежности археологических культур. Можно предположить, что эти модные в то время серьги попали в Верхнее Приамурье к племени переходного типа в результате торгово-обменных операций и культурных контактов.

Признаком близости владимировской культуры и ранних монголов, по данным археологов, является и небольшое количество керамической посуды. Она представлена чашами (пиалы и чашечка-стаканчик),

блюдом, кувшинами, изготовленными на гончарном круге. Для чаш и блюда характерны невысокий кольцевой поддон, селадоновая глазурь (встречаются прозрачная, бесцветная и голубая) и растительный орнамент в виде бутонов цветов, листьев, стеблей [Болотин, 1993. С. 87–88]. Найденные кувшины (12 экз.) отчасти сближаются с мохэскими сосудами (из-за такой детали, как вытяжной валик над верхним краем сосуда), а стеклянная полива зеленого, коричневого или черного цвета, встреченная в семи кувшинах, свидетельствует о традициях дальневосточной поливной посуды, присутствующей культуре Бохая, танского Китая, киданей. Для пяти других кувшинов характерны тонкие стенки, стеклянное покрытие иного способа, а также другое керамическое тесто с небольшим содержанием мелкого песка [Там же. С. 88–89].

Обратимся теперь к материалам раннемонгольской культуры. В могилах саянтуйского типа раннемонгольской культуры имелись круглодонные горшки [Дашибалов, 2002. С. 263]. Другие изделия из керамики не отмечены, поэтому согласимся с тем, что в культуре ранних монголов керамические изделия были редки. Однако может ли данное обстоятельство являться свидетельством родства двух культур – владимировской и раннемонгольской? Нужны дальнейшие сравнительно-сопоставительные исследования в этой области, которые могут ответить на вопросы, связанные с керамическими изделиями Забайкалья и Приамурья.

К свидетельствам появления ранних монголов в Приамурье относят и правосторонний запах в одежде погребенных, прослеженный в двух погребениях владимировской культуры – Прядчинский и Владимировский некрополи. О запахе на правую сторону свидетельствует положение пуговиц в могилах. Пуговицы были грушевидной формы, изготовлены из бронзы и кости [Болотин, 1993. С. 92]. Исследовательница культуры чжурчжэней Л. Н. Гусева отмечает, что у большинства народов Дальнего Востока, как современных чжурчжэней, так и более поздних, наблюдается правый запах в одежде. Халаты с правым запахом носили японцы, корейцы, китайцы, монголы, уйгуры и другие народы. В то же время известно, что чжурчжэни, кидани и шивэй носили одежду с левосторонним запахом. Для шивэй были характерны короткие куртки из белой

оленьей кожи, а также одежда из звериных шкур, свиной и рыбьей кожи, запахивающаяся на левую сторону [Гусева, 2005. С. 100–102]. Таким образом, если следовать логике вещей, предки дауров также должны были носить одежду с запахом на левую сторону. Сведений о раннем бытовании у дауров одежды из свиной и рыбьей кожи не имеется, поэтому, очевидно, данные виды одежды относятся к тем группам шивэй, потомками которых являются нанайцы, удгейцы, орочи и др.

Можно предложить следующую версию замены левого запаха на правый. Для дауров и их предков была характерна одежда из звериных шкур, включая куртки из оленьей кожи. Запах одежды, как и у родственных киданей, преимущественно был левый, однако не имел акцентирующего характера. В первую очередь, эта особенность бросалась в глаза китайским летописцам, которые подчеркивали именно данное важное отличие «варваров» от собственно китайцев. Большие изменения в одежде могли произойти под влиянием усилившихся монголов. Смена запаха в одежде происходила не сразу, поначалу приобрести монгольские халаты могла лишь знать или верхушка складывавшегося даурского общества. К тому же, возможно, процесс смены одежды протекал синхронно с утратой левого запаха у чжурчжэней и их потомков – маньчжуров. Известно, что у поздних маньчжуров уже наблюдается правосторонний запах в одежде [Там же. С. 101]. Надо полагать, что подобный постепенный процесс смены запаха в одежде проходил сначала у предков дауров, а затем и собственно у дауров.

К артефактам, свидетельствующим о появлении ранних монголов на территории Верхнего Приамурья, относят преобладание костяных наконечников стрел над железными, хотя в предшествующие эпохи наблюдалась обратная ситуация. Соотношение костяных и железных наконечников стрел во владимировской культуре составляет примерно 6,5 : 1 [Болотин, 1993. С. 90]. Хотя имеются и исключения. Например, в коллективном захоронении у с. Прядчино Амурской области обнаружены 36 железных и 24 костяных наконечника стрел. Предполагают, что здесь отразилось начало тенденции количественного роста изделий из кости [Болотин, Исаченко, 1995. С. 53]. Из 36 железных наконечников 26 экз. были

бронзобойными, однако из-за неудовлетворительной сохранности невозможно разделить их на типы. Три типа наконечников с плоским пером (боеголовковые, асимметрично-ромбические, овально-крылатые), которых насчитывается 10 экз., имели массовое распространение в Восточной Сибири и Монголии в первой половине II тыс. н. э. Среди других находок имеются: накладка лука, схожая с вещами из чжурчженских АК Приамурья и, вероятно, относящаяся к оружию «тунгусского» типа; серебряное кольцо, одевавшееся на большой палец при стрельбе из лука и аналогичное широко распространенному у амурских народов в XIX в. предмету, которым пользовались не только при стрельбе из лука, но и при добыче рыбы как упором для остроги [Болотин, Исаченко, 1995. С. 50–53]. Эти и другие находки, по данным археологов, являются свидетельствами сосуществования двух традиций в изготовлении оружия, что характерно, прежде всего, для ранних этапов соседства этносов. В результате слияния автохтонной тунгусской и пришлой монгольской образовалась владимировская культура [Там же]. Однако наличие костяных наконечников стрел и других атрибутов, использовавшихся при стрельбе из лука, не является надежным свидетельством пребывания ранних монголов в Верхнем Приамурье. Наблюдаются следующие несоответствия: костяные наконечники, приписываемые ранним монголам, одинаковы с мохэскими; сложносоставной лук схож с вещами из чжурчженских АК Приамурья и относится к оружию «тунгусского» типа; кольцо, используемое при стрельбе из лука, встречалось у амурских народов в XIX в. В итоге мы задаемся вопросом, не указывают ли обнаруженные предметы вооружения на приход в Верхнее Приамурье некой переходной группы? Возможно, еще до прихода на Амур предки дауров были отличной от собственно монголов, смешанной группой. Мы солидарны с мнением Е. И. Кычанова о том, что «границы между монголоязычными шивэй и киданями и тунгусо-маньчжурскими мохэ, бохайцами и др. и в языковом отношении и этнически были более стертими, образуя массу переходных групп, по сравнению с более резкими границами между тюркоязычным и монгольским миром» [1980. С. 139]. Предки дауров не могли не контактировать с соседствующими тунгусо-

маньчжурскими группами. Столь многие сходства с чжурчженской культурой и с мохэ в материалах владимировской культуры, на наш взгляд, нельзя объяснить одним сближением и сосуществованием ранних монголов и проживавших на Верхнем Амуре тунгусо-маньчжуров. Скорее всего, дауры пришли в Приамурье, уже будучи сформированной или формирующейся переходной группой, в этнокультурном плане существенно отличающейся от ранних монголов.

Итак, наше обращение к основным признакам владимировской археологической культуры, которые, по мнению ряда дальневосточных археологов, связаны с приходом ранних монголов на Верхний Амур, выявляет некоторые недостатки гипотезы. Обнаруженные в Приамурье могильники можно отнести к племени переходного типа. Наши итоги сводятся к следующему: во-первых, северная ориентация труположения во владимировской АК, считающаяся этническим признаком ранних монголов, является достаточно распространенной в археологических культурах Забайкалья, Монголии, Северо-Восточного Китая. Во-вторых, кость животного, установленная в изголовье могилы, является единичным случаем во владимировской культуре и не может служить веским доводом соотнесения владимировской культуры с культурой ранних монголов. В-третьих, такие признаки, как серьги в виде знака вопроса, костяные наконечники стрел, отсутствие керамики, правосторонних запах одежды также не могут являться надежным критерием определения этнической близости части носителей владимировской культуры как ранних монголов. Предками дауров могли быть близкие как к монгольским, так и к тунгусо-маньчжурским этническим группам, переходные группы, сформировавшиеся в долине р. Нонни и сопредельных территорий Западной Маньчжурии.

Список литературы

Асеев И. В. Некоторые аспекты исторических и археологических материалов как свидетельства расселения монголоязычных племен в Байкальском регионе и Монголии в Средние века // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2009. Т. 8, вып. 5: *Археология и этнография.* С. 189–198.

- Бартольд В. В.* Соч. М.: Наука, 1966. Т. 4. 497 с.
- Болотин Д. П.* Владимировская культура позднего Средневековья в Приамурье // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1993. С. 84–101.
- Болотин Д. П.* Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII–XVII века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 17 с.
- Болотин Д. П.* Народы и культуры Приамурья в позднем средневековье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 615–635.
- Болотин Д. П., Исаченко Б. А.* Коллективное захоронение позднего Средневековья у с. Прядчино Амурской области // Традиционная культура востока Азии: археология и культурная антропология. Благовещенск, 1995. С. 49–54.
- Гайко В. В.* Этническая история чулымских тюрок XVI–XVII веков в трудах А. П. Дульзона // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 32–35.
- Гусева Л. Н.* Левосторонний запах одежды чжурчженей // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 99–103.
- Данилов С. В.* Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 86–90.
- Дашибалов Б. Б.* Об этнической принадлежности могил саянтуйского типа Юго-Восточной Сибири // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. С. 262–271.
- Ивлиев А. Л.* Погребения киданей // Центральная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 42–63.
- Именохоев Н. В.* Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 23–48.
- История Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 1. 328 с.
- Кириллов И. И.* Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 123–138.
- Кузеева З. З.* Головные украшения ногайских женщин XIX – начала XX в. // Вестн. Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 1 (37). С. 166–187.
- Кычанов Е. И.* Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в Средние века. Новосибирск, 1980. С. 136–148.
- Мазин А. И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.
- Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011. 365 с. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=4961> (дата обращения 22.01.2014).
- Народы Восточной Азии. М.; Л.: Наука, 1965. 1025 с.
- Харинский А. В., Номоконова Т. Ю., Ковычев Е. В., Крадин Н. Н.* Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // Российская археология. 2014. № 2. С. 62–75.
- Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц.* Археология Монголии. Улаанбаатар: Institut archaeologic ASM, 2008. 239 с.
- Dagur ündüsüten-ü tobči teüke.* Kūkeqota, 1989. 300 с. (на монг. яз.).

Материал поступил в редколлегию 02.12.2014

B. D. Tsybenov

*Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of RAS
6 Sakhyanovoi Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation*

bazar75@mail.ru

THE BURIALS OF THE VLADIMIROVSK CULTURE FROM AMUR REGION AS THE SOURCE TO STUDY ETHNOGENESIS

Purpose. The article deals with the problem of the origin of the Daurians being one of the most important questions of the Mongolian peoples' ethno-genesis. The object of the analysis is the orienta-

tion of interments and the ancient funeral artefacts of the Vladimirovsk archeological culture (XIII–XVII centuries), which was pointed out in the upper and middle stream of Amur River.

Results. First, the study of the interments' orientation in the archeological cultures of the Lake Baikal Region, Mongolia and Inner Mongolia shows that the north-ward orientation of interments can hardly be a reliable evidence to correlate the Vladimirovsk culture with that of earlier Mongols. Most burial grounds oriented north-ward were left by the Mongolian-speaking population, although part of the burials belonged to the Tungus- and Turkish-speaking ethnic groups. A ram's leg buried in the interment is characteristic for many nomadic cultures of the middle-century epoch in the Eurasian steppes. However, the ram's bone found only in one interment of the Vladimirovsk culture can hardly be a reliable proof to identify the people of that culture with earlier Mongols. Then, the examination of the earrings in the form of the question mark brings about the finding that they were widely spread elsewhere in the vast territory from the Upper Amur to Izhorsk Plateau and the Northern Caucasus. That is why it is difficult to judge that question mark formed earrings prove to be a reliable criterion to identify the ethnic origin of the archeological cultures' population. Afterwards, a limited number of ceramic ware is not also the characteristics of the closeness of the Vladimirovsk culture to that of the earlier Mongols. Mostly it was typical for the Vladimirovsk culture ceramic ware to have the features of the cultures of the Mohe, Parhae, Tang dynasty, Khitan. Additionally, one more sign of similarity with the earlier Mongols is likely to be the right side wrap over of the clothes of those buried. It does not seem to be convincing because there could have been the change of the wrap over. For example, the Manchurians did not retain their left side wrap over of their clothes, because they had rather quickly changed it from the left side to the right one. Finally, the predominance of the bone arrowheads over the iron ones does not also witness their closeness to the earlier Mongols, for they are similar to those belonging to the Mokhe culture. Besides, a complexly collapsible bow is like the artefacts of the Churchenian archeological culture of the Priamurye and it belongs to the weapons of the «Tungus» type. For instance, the trace of one of its elements, i.e. the ring used in archery, has been found among the XIX century artefacts of the Amur River Basin peoples. Based on the findings described, the author supposes that there, to the Priamurye, came a new mixed group of people distinct from the Mongols ethno-culturally.

Conclusion. To sum it up, the research findings are as follows. First, the north-ward orientation of the corpses' position in the Vladimirovsk archeological culture, considered to be the ethnic sign of the earlier Mongols, is widely spread in those of Transbaikalye, Mongolia and North-Eastern China. Second, an animal's bone, put at the head of the burial ground, is an exceptional case in the Vladimirovsk culture. That is why, it cannot be used as a strong proof to correlate the Vladimirovsk culture with that of the earlier Mongols. Third, such things as the question mark form earrings, bone arrowheads, the absence of the ceramic ware and the right side clothes wrap over could not be also used as the reliable criterion to identify the ethnic closeness of the part of the Vladimirovsk culture as the earlier Mongols. The ancestors of the Daur people could have been the transitional groups close both to the earlier Mongols, and to the Tungus-Manchurian ethnic groups which were formed in the valley of Nonny River and the contiguous territories to Western Manchuria.

Keywords: Vladimirovsk archeological culture, burial, orientation, archeological culture of the early Mongols, tribe, Daur, ethno genesis.

References

Aseev I. V. Nekotorye aspekty istoricheskikh i arkheologicheskikh materialov kak svidetel'stva rasseleniya mongoloyazychnykh plemen v Baikal'skom regione i Mongolii v srednie veka [Some aspects of historical and archaeological data as evidence of settlement of the Mongol-speaking tribes in the Baikal region and Mongolia in the middle ages]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology.* 2009, vol. 8, iss. 5: Archaeology and Ethnography, p. 189–198. (in Russ.)

Bartol'd V. V. *Sochineniya [Works]*. Moscow, Nauka, 1966, vol. 4, 497 p. (in Russ.)

Bolotin D. P. Vladimirovskaya kul'tura pozdnego srednevekov'ya v Priamur'e [Vladimirovskaya culture of the late middle ages in the Amur region]. *Problemy etnokul'turnoi istorii Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territorii [Problems of ethno-cultural history of the Far East and adjacent territories]*. Blagoveshchensk, 1993, p. 84–101. (in Russ.)

Bolotin D. P. *Etnokul'turnaya situatsiya na Verkhnem Amure v epokhu pozdnego srednevekov'ya (XIII–XVII veka)*. Avtoref. diss. kand. istor. nauk. [Ethno-cultural situation in the Upper

Amur region in the late middle ages (XIII–XVII centuries). Cand. histor. sci. syn. diss.] Novosibirsk, 1995, 17 p. (in Russ.)

Bolotin D. P. Narody i kul'tury Priamur'ya v pozdnem srednevekov'e [Peoples and cultures of the Amur region in the late middle ages]. *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy* [The Russian Far East in ancient and the middle ages: discovery, problem, and hypothesis]. Vladivostok, Dal'nauka, 2005, p. 615–635. (in Russ.)

Bolotin D. P., Isachenko B. A. Kollektivnoe zakhoroneniye pozdnego srednevekov'ya u s. Pryadchino Amurskoi oblasti [The collective burial of the late middle ages near the village of Pryadchino of Amur region]. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii: arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [The traditional culture of East Asia: the archaeology and cultural anthropology]. Blagoveshchensk, 1995, p. 49–54. (in Russ.)

Gaiko V. V. Etnicheskaya istoriya chulymskikh tyurok XVI–XVII vekov v trudakh A. P. Dul'zona [Ethnic history Chulym Turks XVI–XVII centuries in the works of A. P. Dul'zon]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk scientific Bulletin], 2009, iss. 1 (75), p. 32–35. (in Russ.)

Guseva L. N. Levostoronniy zapakh odezhdy chzhurchzhenei [Left-button cloth of Jurchens]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region], 2005, 2, p. 99–103. (in Russ.)

Danilov S. V. Zhertvoprinosheniya zhiivotnykh v pogrebal'nykh obryadakh mongol'skikh plemen Zabaikal'ya [Animal sacrifice in the funeral rites of the Mongol tribes of Transbaikalia]. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi* [Ancient Transbaikalia and its cultural communication]. Novosibirsk, 1985, p. 86–90. (in Russ.)

Dashibalov B. B. Ob etnicheskoi prinadlezhnosti mogil sayantuiskogo tipa Yugo-Vostochnoi Sibiri [About ethnicity graves of sayantuiskii type in South-Eastern Siberia]. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noi Azii* [Archaeology and cultural anthropology of the Far East and Central Asia]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2002, p. 262–271. (in Russ.)

Ivliev A. L. Pogrebeniya kidanei [The Burial of Khitans]. *Tsentral'naya Aziya i sosednie territorii v srednie veka* [Central Asia and adjacent territories in the middle ages]. Novosibirsk, Nauka, 1990, p. 42–63. (in Russ.)

Imenokhiov N. V. Rannemongol'skaya arkheologicheskaya kul'tura [An archaeological culture of the ancient Mongols]. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi srednevekov'ya v Buryatii i Mongolii* [Archaeological monuments of the middle ages in Buryatia and Mongolia]. Novosibirsk, Nauka, 1992, p. 23–48. (in Russ.)

Istoriya Buryatii. [History of Buryatia.] Ulan-Ude, BSTS SO RAN Publ., 2011, vol. 1, 328 p. (in Russ.)

Kirillov I. I. Undugunskaya kul'tura zheleznogo veka v Vostochnom Zabaikal'e [Undugunskaya culture of the iron age in Eastern Transbaikalia]. *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya* [Traces of ancient cultures Transbaikalia]. Novosibirsk, Nauka, 1983, p. 123–138. (in Russ.)

Kuzeeva Z. Z. Golovnye ukrasheniya nogaiskikh zhenshchin XIX– nachala XX v. [Head decoration of Nogai womens in XIX–early XX century]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography], 2009, 1 (37), p. 166–187. (in Russ.)

Kychanov E. I. Mongoly v V I– pervoi polovine XII v. [The Mongols in the VI– the first half of the XII century]. *Dal'nii Vostok i sosednie territorii v srednie veka* [Far East and adjacent territories in the middle ages]. Novosibirsk, 1980, p. 136–148. (in Russ.)

Mazin A. I. *Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov* [Traditional beliefs and rituals of Orochon-Evenks]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 200 p. (in Russ.)

Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya [Small encyclopedia of Transbaikalia. Archeology]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 365 p. (in Russ.) Available at: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=4961>. (accessed 22.01.2014)

Narody Vostochnoi Azii [The Peoples of East Asia]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, p. 1025. (in Russ.)

Kharinskii A. V., Nomokonova T. Yu., Kovychev E. V., Kradin N. N. Ostanki zhiivotnykh v mogol'skikh zakhoroneniyyakh XIII–XIV vv. mogil'nika Okoshki I (Yugo-Vostochnoe Zabaikal'e) [The animal remains in the Mongolian burial XIII–XIV centuries of barrow Okoshki I (South-Eastern Transbaikalia)]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2014, no. 2, p. 62–75. (in Russ.)

Tseveendorzh D., Bayar D., Tserendagva Ya., Ochirkhuyag Ts. *Arkheologiya Mongolii* [Archaeology of Mongolia]. Ulaanbaatar, Institut archaeologic ASM Publ., 2008, p. 239. (in Russ.)

Dagur undusuten-u tobchi teukhe [A brief history of Daur people]. Khukhe-Khoto., 1989, 300 p. (in Mong.)